

На правах рукописи

Бахметьев Павел Владимирович

**УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ
СВОБОДЫ СОВЕСТИ И ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ:
ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ОПЫТ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ**

12.00.08 – уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Краснодар, 2017

Работа выполнена на кафедре уголовного права и криминологии
Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения
высшего образования «Кубанский государственный университет»

Научный руководитель: Доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист РФ
Коняхин Владимир Павлович

Официальные оппоненты: **Ображиев Константин Викторович**
доктор юридических наук, профессор,
ФГКОУ ВО «Академия Генеральной
прокуратуры Российской Федерации»
заведующий кафедрой уголовно-правовых
дисциплин

Игнатов Александр Николаевич
доктор юридических наук, профессор,
Крымский филиал ФГКОУ ВО
«Краснодарский университет МВД России»
профессор кафедры уголовного права
и криминологии

Ведущая организация: **ФГАОУ ВО «Российский университет
дружбы народов»**

Защита состоится «29» сентября 2017 года в 14³⁰ часов на заседании дис-
сертационного совета Д 220.038.11 при Федеральном государственном
бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Кубанский
государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина» по адресу:
350044, г. Краснодар, ул. Калинина, 13, главный корпус университета,
ауд. 215.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГБОУ ВО
«Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина»,
а с электронной версией диссертации и автореферата – на сайте www.kubsau.ru

Автореферат разослан «___» _____ 2017 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Шульга Андрей Владимирович

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы диссертационного исследования определяется насущной потребностью в развернутом теоретико-прикладном анализе комплекса вопросов, связанных с установлением и реализацией уголовной ответственности за деяния, которые нарушают гарантированное Конституцией России право на самоопределение и свободу граждан в сфере религиозных отношений.

Современный этап развития человеческой цивилизации, вне сомнений, войдет в историю как время религиозного возрождения. Повышенный интерес к религии наблюдается во всех сферах общества; он проявляется в росте объемов религиозно мотивированного поведения, активном использовании религии и религиозных институтов для решения актуальных социальных задач, и вместе с тем, в обострении социальных противоречий на религиозной основе, включении религиозных факторов в детерминационный комплекс преступности. Эти факты требуют внимательного научного анализа, в том числе и с позиций уголовного права.

Наиболее значимым здесь выступает следующий комплекс связанных с религиозным ренессансом проблем:

- конструирование уголовно-правовых средств, гарантирующих человеку свободу религиозного самоопределения;
- конструирование средств, обеспечивающих защиту от злоупотреблений свободой совести и вероисповедания;
- обеспечение согласованности уголовно-правовых средств с конституционными и международно-правовыми стандартами прав человека;
- обеспечение согласованности современных правовых стандартов, в том числе и уголовно-правовых, с социально-историческим опытом и ментальными установками общества.

Отечественный законодатель в последние годы предпринял ряд решительных шагов, направленных к усилению гарантий граждан в области реализации ими права на свободу совести, помещая соответствующие противоправ-

ные действия в общий контекст гуманитарной и антиэкстремистской политики. С позиций уголовно-правового регулирования значимым стало реформирование в 2013 году ст. 148 УК РФ «Нарушение права на свободу совести и вероисповеданий». В настоящее время статья предусматривает ответственность за два преступления: публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу, совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих, и незаконное воспрепятствование деятельности религиозных организаций или проведению богослужений, других религиозных обрядов и церемоний.

Эта реформа послужила своего рода ответом на случаи проявления религиозной нетерпимости в обществе и была призвана служить их надлежащему предупреждению. Между тем, в профессиональных кругах она вызвала, по большей части критическую оценку. Закон упрекают в несоответствии конституционным и международным стандартам прав человека, уголовную политику - в клерикализации, процессы криминализации – в предвзятости. Такие оценки, значимые и необходимые для стимулирования научной дискуссии относительно эффективности уголовного закона, тем не менее, не способствуют формированию позитивного отношения к уголовно-правовому запрету и, будучи эмоционально окрашенными, редко сопровождаются глубокой научной проработкой вопроса.

Складывающаяся ситуация требует переориентации научной дискуссии с априорных оценок ст. 148 УК РФ на аналитическую разработку вопросов ее международно-правовой, конституционно-правовой, историко-правовой, социально-правовой обусловленности.

Степень научной разработанности темы. При том, что обсуждение и профессиональное решение обозначенных выше, а равно ряда иных проблем, представляет несомненное значение для развития науки и правоприменительной практики, отечественная уголовно-правовая доктрина не проявляет к ним должного внимания. В литературе, по преимуществу, исследованы лишь об-

щие подходы к основам уголовно-правового регулирования ответственности за преступления, связанные с нарушением права на свободу совести.

В частности, вопросам конституционных оснований уголовно-правового запрета были посвящены работы Босхолова С.С., Елинского А.В., Жалинского А.Э., ряда иных авторов.

Вопросы международно-правового обоснования содержания уголовного закона нашли глубокое освещение в работах Ведерниковой О.Н., Кибальника А.Г., Коняхина В.П., Чучаева А.И. и иных специалистов.

Значительное внимание уделяется и вопросам уголовно-правовой защиты конституционных прав граждан (Красиков А.Н., Курманов А.С., Мачковский Л.Г., Нуркаева Т.Н., Серебренникова А.В. и др.).

В последние годы появились отдельные публикации, посвященные анализу состава преступления, предусмотренного ст. 148 УК РФ (Грошев А.В., Матецкая А.В., Руева Е.О., Федотова Ю.Е.).

Вместе с тем, проблемы уголовно-правовой защиты права на свободу совести и вероисповедания как самостоятельный предмет исследования в отечественной литературе практически не изучались. На уровне диссертационного исследования заявленная проблематика рассматривалась лишь единожды в работе Е.М. Шевкопляс. В диссертации Н.В. Казанцевой исследованы по преимуществу вопросы криминологической оценки и предупреждения преступлений против свободы совести.

Таким образом, можно констатировать наличие определенного пробела в уголовно-правовой науке в части комплексного анализа основания уголовной ответственности за действия, посягающие на право граждан на свободу совести и вероисповедания.

Объектом диссертационного исследования определены правовые отношения, которые возникают в связи с установлением и реализацией уголовно-правовых норм, создающих в своей совокупности гарантии права человека на свободу совести и вероисповедания.

Предметом диссертации выступают: конституционные и международно-правовые основания ограничения прав человека, практика их воплощения в уголовном законодательстве России и зарубежных стран, проблемы конструирования и применения составов преступлений, связанных с нарушением права человека на свободу совести и вероисповедания.

Цель исследования заключается в научном обосновании совокупности теоретических положений, характеризующих основание и пределы уголовно-правовой защиты права на свободу совести, а равно направления повышения ее эффективности.

Задачи исследования:

- раскрыть конституционные основания уголовно-правовых гарантий права на свободу совести и вероисповедания;
- определить параметры соответствия российской нормотворческой и правоприменительной практики защиты права на свободу совести международно-правовым стандартам прав человека;
- определить основные тенденции развития уголовного законодательства об ответственности за преступления, состоящие в нарушении права на свободу совести и вероисповедания;
- провести сравнительно-правовой анализ норм об ответственности за нарушения свободы совести и вероисповедания;
- выполнить догматический анализ норм действующего законодательства об ответственности за преступления, состоящие в нарушении права на свободу совести и вероисповедания;
- выявить и обосновать варианты решения актуальных проблем правоприменительной практики в соответствующей части;
- обосновать предложения по совершенствованию уголовного закона в части конструирования гарантий права на свободу совести и вероисповедания.

Методологической основой диссертации выступают положения и принципы диалектического метода познания, в частности, принцип историзма, объективности, системности, всеобщей связи явлений. Используются много-

кратно доказавшие свою эффективность общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция, описание, классификация) и частно-научные методы исследования: историко-правового анализа, сравнительно-правового анализа, формально-логический, документальный метод, экспертный опрос.

Теоретическую основу исследования составляют достижения науки конституционного права, уголовного права, а также положения теории прав человека, криминологии, уголовной политики, этики, социологии.

Работа выполнена в рамках сложившегося учения об основаниях криминализации общественно опасных деяний (Жалинский А.Э., Кудрявцев В.Н., Кузнецова Н.Ф., Лопашенко Н.А., Яковлев А.М. и др.), на основе устоявшихся представлений о направлениях генезиса уголовного права (Владимирский-Буданов Ф.М., Георгиевский Э.В., Герцензон А.А., Рожнов А.А. и др.), с учетом достижений сравнительного правоведения в сфере уголовного права (Есаков Г.А., Козочкин И.Д., Серебренникова А.В. и др.), исходя из общепризнанных данных о составе преступления и уголовно-правовой квалификации (Гаухман Л.Д., Иногамова-Хегай Л.В., Куринов Б.А., Ображиев К.В., Пудовочкин Ю.Е. и др.). В основе работы – основные достижения конституционной доктрины прав человека (Витрук Н.В., Зорькин В.Д., Лукашева Е.А. и др.).

Нормативную базу исследования составляют Конституция РФ; общепризнанные принципы и нормы международного права в части установления содержания и гарантий права человека на свободу совести и вероисповедания (в том числе, Всеобщая декларация прав человека, Международный пакт о гражданских и политических правах, Конвенция Совета Европы о защите прав человека и основных свобод и др.); документы Европейского Суда по правам человека, раскрывающие содержание права на свободу совести, вероисповедания, слова, собраний (всего – 10 постановлений); положения действующего уголовного законодательства России и иных нормативных правовых актов (в частности, Кодекса РФ об административных правонарушениях, Федерального Закона «О свободе совести и религиозных объединениях и др.); постановления и определения Конституционного Суда РФ, раскрывающие конституци-

онно-правовое содержание положений российского законодательства о свободе совести (всего – более 20 документов); предписания уголовного законодательства зарубежных стран (США, Франции, ФРГ, Австрии, Сербии, Македонии, Ирана, КНР, Израиля, Голландии, Дании, Испании, Турции, Швеции, Японии); нормативные документы по истории уголовного законодательства России X – XX веков.

Эмпирической основой диссертации выступают: данные статистического анализа информации Судебного департамента при Верховном Суде РФ о состоянии и динамике судимости за исследуемые преступления за период с 2009 по 2016 годы; результаты опроса 116 практикующих юристов из числа представителей судейского корпуса (52 человека) и следственных подразделений правоохранительных органов (64 человека); итоги изучения постановлений Пленума Верховного Суда РФ по вопросам, имеющим отношение к предмету диссертации. Незначительный объем рассмотренных судами РФ уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. 148 УК РФ, позволил изучить размещенные в свободном доступе приговоры и постановления по всем восьми таким делам (<https://rospravosudie.com>), рассмотренным в период 2013 – 2016 годов. Для достижения задач исследования были изучены также решения по 85 делам об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 5.26 КоАП РФ, вынесенные в судах Краснодарского края, а также, с применением компьютерных средств поиска информации, - в иных регионах России.

Научная новизна диссертации состоит в обосновании целостного комплекса взаимосвязанных научных положений, раскрывающих основания, пределы и перспективы применения уголовно-правовых средств для защиты права человека на свободу совести и вероисповедания.

В работе, в частности:

- выявлены и систематизированы основные требования и рекомендации, предъявляемые международно-правовыми документами к внутренней, в том числе уголовно-правовой, политике государств в целях обеспечения и защиты

права на свободу совести и вероисповедания, с одной стороны, и недопущения злоупотреблением этим правом, с другой;

- конкретизированы, во взаимосвязи с конституционными требованиями к качеству уголовно-правового регулирования, значимые для решения охранительных задач конституционные основания и пределы уголовно-правового ограничения прав человека в целях защиты свободы совести и вероисповедания;

- установлены общие направления и основные этапы генезиса уголовно-правового обеспечения права на свободу совести и вероисповедания в России, а также зависимость предписаний уголовного закона в этой части от уровня развития конституционной доктрины прав человека, утверждения и понимания свободы совести и вероисповедания в качестве естественного права человека;

- определены апробированные в зарубежном законодательстве модели содержательного наполнения и юридико-технического оформления предписаний, ориентированных на защиту права граждан на свободу совести и вероисповедания;

- раскрыто содержание признаков составов преступлений, предусмотренных ст. 148 УК РФ, предложено решение проблем их квалификации и отграничения от смежных составов преступлений и административных проступков;

- выявлены противоречия и пробелы в криминализации и пенализации действий, связанных с нарушением права человека на свободу совести и вероисповедания в действующем российском законодательстве; аргументированы предложения, направленные к совершенствованию уголовного законодательства в этой части.

Положения, выносимые на защиту:

1. Уголовное законодательство России в части обеспечения права на свободу совести и вероисповедания в целом соответствует международно-правовым стандартам, которые включают в себя:

а) обязательства государства криминализировать геноцид, любые проявления насилия и дискриминации по мотиву религии, разжигание ненависти или вражды, призывы к ненависти, дискриминации или насилию в связи с религией, и при этом соблюдать требование, чтобы вводимые ограничения и запреты не вторгались во внутренние аспекты свободы совести, но касались только внешней формы проявления свободы вероисповедания;

б) право государства криминализировать оскорбление религиозных чувств верующих вследствие провокационного и несовместимого с духом терпимости поведения, при строгом соблюдении гарантий широкой свободы выражения мнений по вопросам религии и с учетом широкого культурного и социального контекста.

2. Конституционные стандарты уголовно-правового обеспечения права на свободу совести и вероисповедания включают в себя три группы предписаний:

а) вытекающие из принципа светскости государства, который в сфере уголовного права предполагает запрет на криминализацию действий, состоящих в несоблюдении религиозных догматов и обрядов, и напротив, криминализацию действий, приводящих к огосударствлению религии либо клерикализации государства;

б) конкретизирующие основания ограничения права на свободу совести и вероисповедания, которые формально допускают непредусмотренное нормами международного права ограничение этого права по мотивам обеспечения обороны и государственной безопасности, что создает предпосылки для потенциально широкого использования средств уголовного права в соответствующей сфере;

в) связанные с соблюдением общих требований к установлению уголовной ответственности: определенность уголовно-правового запрета, недопустимость произвольной криминализации, соблюдение условий опасности, вредоносности, виновности, распространенности, противоправности деяний.

3. Уголовно-правовые запреты в области религиозных отношений эво-

люционируют вслед за утверждением права на свободу совести и вероисповедания, что позволяет выделить три этапа в истории их формирования и развития. Первый – до 1917 г., когда нормы уголовного закона охраняли монополию православной веры, незыблемость религиозного статуса подданных и лимитированную веротерпимость. Второй – советский период (до 1993 года), характеризующийся прямым уголовно-правовым ограничением некоторых важнейших компонентов свободы совести и вероисповедания. Третий – современный, для которого, в отличие от всей предшествующей истории, характерен отказ от признания религии фактором государственной безопасности, утверждение вопросов веры в качестве сферы проявления индивидуальной свободы человека. В соответствии с этим наблюдается эволюция взглядов на понимание сути религиозных преступлений – от посягательств на само божество как на реальный объект государственной защиты, через отождествление религиозных преступлений с посягательствами на государственную безопасность – к признанию преступлений против свободы совести и вероисповедания разновидностью так называемых «частных» или «общественных» преступлений.

4. В уголовном праве современных зарубежных стран обнаруживается единообразие в подходах к определению системы норм о защите отношений в области религиозного самоопределения граждан, которая включает в себя общие и специальные нормы: а) о запрете дискриминации по мотивам религиозной принадлежности, призывов к дискриминации, организационной и финансовой поддержки такой деятельности; б) запрете принуждения граждан к каким-либо действиям или бездействию, принуждению к претерпеванию какого-либо действия со стороны третьих лиц; в) запрете незаконного воспрепятствования проведению общественных мероприятий и деятельности общественных организаций; г) запрете посягательств на свободу совести, вероисповедания, религиозного и иного идеологического самовыражения граждан. С социально-правовой точки зрения, вне зависимости от того, как эти нормы структурированы, они призваны охранять правовое благо, в понимании которого страны

условно можно классифицировать на две группы: в рамках одной (наименее численной) правовым благом выступают конституционные права человека и гражданина; в рамках второй (численно преобладающей) охраняемым благом выступает общественное спокойствие и общественный порядок.

5. Наиболее значимыми перспективами совершенствования российского уголовного закона, вытекающими из результатов сравнительно-правового анализа, выступают: установление равной охраны мировоззренческих чувств верующих и лиц, которые отрицают веру в бога; предоставление охраны только таким мировоззренческим чувствам, которые основаны на признанной, не запрещенной законом идеологической системе; уточнение объекта посягательства и содержания охраняемого правового блага на основе баланса законодательной охраны индивидуальных прав и общественного спокойствия; установление гарантий безопасности личности от любого вида принуждений, в том числе и в религиозной сфере.

6. При совершенствовании уголовного законодательства о защите свободы совести и вероисповедания, следует исходить из того, что преступления, предусмотренные в действующей редакции ч. 1 и ч. 2 ст. 148 УК РФ, посягают не на права конкретного лица и принадлежащие ему субъективные блага. Они нарушают отношения, складывающиеся в сфере общественного порядка и общественной нравственности по поводу уважительного и терпимого отношения к любой религии, догматы которой не противоречат Конституции России и законодательству страны, что обуславливает необходимость изменения месторасположения нормы и включения ее в главу 25 УК РФ. Объективная сторона этого преступления представляет собой публичное грубое нарушение общественного порядка, сопровождающееся осквернением сооружений и предметов религиозного назначения, оскорблением догматов и обрядов веры, выражающее явное неуважение к обществу. Непочтение к религии, выразившееся в непубличных действиях, или действиях, не причиняющих вреда общественному порядку, выражает личную позицию субъекта, выступает проявлением его внутренней свободы и не может рассматриваться в качестве преступного

поведения, хотя бы это поведение и вызывало неодобрение тех или иных лиц, хотя бы оно противоречило историческим или иным традициям.

7. Оптимизация уголовно-правовой защиты права граждан на свободу от принуждения в сфере религии требует:

а) расширения круга потерпевших от преступления, предусмотренного в действующей редакции ч. 3 ст. 148 УК РФ, за счет лиц, не исповедующих никакой религии, а равно лиц, исповедующих религию в составе не только религиозного объединения, но и группы;

б) установления ответственности за воспрепятствование только религиозной деятельности законно созданного религиозного объединения, которая включает в себя: основание и содержание культовых зданий и сооружений, иных мест и объектов, специально предназначенных для богослужений, молитвенных и религиозных собраний, религиозного почитания (паломничества); совершение богослужений, других религиозных обрядов и церемоний; миссионерскую деятельность; обучение религии и религиозное воспитание последователей.

8. Пенализация деяний, предусмотренных в действующей редакции ч. 3 и ч. 4 ст. 148 УК РФ, проведена некачественно, не отражает их общественной опасности и не отвечает системным началам построения санкций. Предусмотренная законом максимальная санкция в один год лишения свободы в ч. 4 ст. 148 УК РФ исключает возможность оценки в качестве составного преступления практически любого варианта применения насилия или использования служебного положения. Эффективным вариантом решения проблемы должно стать повышение санкции ч. 4 ст. 148 УК РФ до 4 лет лишения свободы, что позволит охватить составом сложного преступления злоупотребление должностными полномочиями, превышение должностных полномочий, причинение вреда здоровью вплоть до средней тяжести, угрозу убийством. Соответственно, для обеспечения сбалансированности санкций, в ч. 3 ст. 148 УК РФ максимальный срок наказания в виде лишения свободы целесообразно увеличить до одного года.

9. В законодательство Российской Федерации целесообразно внести изменения:

- ст. 148 УК РФ – исключить;
- ч. 1 ст. 5.26 КоАП РФ – исключить;
- ввести в УК РФ новые статьи следующего содержания:

Статья 147¹. Нарушение права на свободу совести и вероисповеданий

1. Воспрепятствование или принуждение лица к принятию религиозных или иных убеждений или отказу от них, вступлению в религиозное объединение или выходу из него, участию в религиозной или иной деятельности религиозного объединения, проведению богослужений, других религиозных обрядов и церемоний, а равно незаконное воспрепятствование религиозной деятельности религиозных объединений, - наказывается штрафом в размере до трехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до двух лет, либо обязательными работами на срок до трехсот шестидесяти часов, либо исправительными работами на срок до одного года, либо арестом на срок до трех месяцев, либо лишением свободы на срок до одного года.

2. Деяния, предусмотренные частью первой настоящей статьи, совершенные:

- а) лицом с использованием своего служебного положения;
- б) с применением насилия или с угрозой его применения, -наказываются штрафом в размере до двухсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до одного года, либо обязательными работами на срок до четырехсот восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок до двух лет, либо принудительными работами на срок до четырех лет, либо лишением свободы на тот же срок с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до двух лет.

Статья 244¹. Публичное неуважение к религии

Публичное совершение действий, выражающих явное неуважение к со-

держанию религиозного культа, символизирующим его правилам, предметам, обрядам, местам их проведения, и сопровождающихся грубым нарушением общественного порядка, - наказывается...

Теоретическая значимость результатов исследования заключается в развитии современного учения об уголовной ответственности за преступления против конституционных прав человека и гражданина за счет авторских результатов сравнительно-правового и историко-правового анализа, а также за счет разработки новых положений о международно-правовых и конституционных основаниях и пределах криминализации нарушения права на свободу совести и вероисповедания; о соотношении уголовного и административно-деликтного законодательства в данной сфере.

Практическое значение результатов исследования заключается в разработке прикладных правил квалификации преступлений, предусмотренных ст. 148 УК РФ и отграничении их от смежных составов правонарушений; в обосновании перспективных направлений совершенствования законодательной основы уголовно-правовой защиты права на свободу совести и вероисповедания; в возможности использования материалов диссертации в учебном процессе подготовки бакалавров и магистров по направлению «Юриспруденция», а также в системе обучения и повышения квалификации судей и сотрудников правоохранительных органов.

Апробация результатов исследования. Автор принял участие в двух международных («Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года: концептуальные основы и историческое значение (к 170-летию со дня принятия)», 2-3 октября 2015г., Геленджик; «Проблемы эффективности права в современной России», 7-8 октября 2016г., Краснодар) и двух всероссийских научно-практических конференциях («Защита прав человека в международном праве и национальном праве Российской Федерации», 10 дек. 2015г., Краснодар; «Актуальные проблемы теории и практики применения уголовного закона», 27 октября 2016г., Москва).

Положения и выводы диссертационного исследования апробированы при преподавании учебных дисциплин и спецкурсов криминального цикла в Кубанском государственном университете, Кубанском государственном аграрном университете и в Краснодарском университете МВД России.

Выводы и положения нашли отражение в 7 научных работах, 5 из которых опубликованы в изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки РФ.

Структура диссертации обусловлена целью и задачами исследования. Работа состоит из введения, 3 глав, объединяющих 6 параграфов, заключения, списка литературы и приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы исследования, определяется его объект, предмет, целевые установки и методологическая основа, дается характеристика нормативных, теоретических и эмпирических источников, формулируются положения, выносимые на защиту, доказываются их научная новизна и теоретико-прикладная значимость.

Глава 1 «Правовые основания криминализации посягательств на свободу совести и вероисповедания» посвящена анализу исходных требований и стандартов в понимании этого права в контексте конструирования средств его уголовно-правовой защиты.

В **§ 1 «Международно-правые основы уголовно-правовой защиты свободы совести и вероисповедания»** проводится анализ соответствующих универсальных и региональных правовых актов, а также их толковательной практики, сложившейся в деятельности Комитета ООН по правам человека и Европейского Суда по правам человека. Установлено, что при всей сложности и многогранности права на свободу совести и вероисповедания существует некий набор универсальных (всеобщих) требований, соблюдение которых нужно рассматривать в качестве минимального стандарта его понимания и защиты. Такие требования состоят: в обеспечении невмешательства государства в осуществление гражданами своего права на свободу совести и вероис-

поведания, в обеспечении гармоничного баланса этого права с иными правами и свободами человека (в частности, свободой выражения мнений, неприкосновенностью частной жизни и др.), в устранении или, по меньшей мере, минимизации двух одинаково вредных отклонений от идеала права на свободу совести и вероисповедания – его ограничения и дискриминации, с одной стороны, и злоупотребления им, – с другой.

В целях создания надлежащих гарантий права на свободу совести и вероисповедания, международное сообщество:

а) обязывает все государства криминализировать геноцид, любые проявления насилия по мотиву религии, дискриминацию на основании отношения к религии, подстрекательство и соучастие в этих деяниях; причем данное требование в равной степени обращено как к деяниям, совершаемым в отношении представителей той или иной религии, так и представителями этой религии по отношению к иным лицам;

б) предписывает, чтобы государства, криминализировали ненасильственные действия и высказывания по поводу религии лишь в контексте соблюдения принципов недискриминации, поддержания социального мира, согласия и общественного порядка;

в) провозглашает, что реализуя свое право на усмотрение, государство может криминализировать определенные формы поведения, включая распространение информации и идей, которые несовместимы с уважением свободы мысли, совести и религии других лиц, в том числе оскорбление религиозных чувств верующих вследствие провокационного и несовместимого с духом терпимости изображения объектов религиозного культа;

г) требует, чтобы вводимые государством ограничения и запреты касались только внешней формы проявления права на свободу религии, а именно, свободы вероисповедания, и ни при каких обстоятельствах не вторгались во внутренние аспекты свободы совести, в связи с чем рекомендует, чтобы богохульство и святотатство, будучи оскорблением религии, сами по себе не считались преступлением;

д) возлагает на государство обязанность формулировать ограничения и запреты исключительно на уровне закона и не допускать расширительного толкования закона, устанавливающего ответственность за противоправное поведение.

В § 2 «**Конституционные стандарты уголовной ответственности за посягательства на свободу совести и вероисповедания**» отмечается, что с содержательной точки зрения эти стандарты представлены в виде результата гармоничного сочетания и системного толкования двух блоков конституционных положений: 1) о содержании и пределах права на свободу совести и вероисповедания и 2) об основаниях и пределах уголовно-правового регулирования. Эти предписания тесно взаимосвязаны: выход за пределы гарантированных Конституцией РФ религиозных свобод, равно как и ограничение этих свобод, может при определенных обстоятельствах влечь за собой потребность в уголовно-правовом воздействии, которое, тем не менее, ни в этом случае, ни в каком ином, не должно сопровождаться нарушением самих религиозных свобод.

Анализ правовых позиций Конституционного Суда РФ по вопросам, связанным с реализацией права на свободу совести и вероисповедания через призму установления уголовной ответственности, позволил сформулировать ряд значимых выводов:

- обеспечение социальной стабильности, мира и спокойствия с необходимостью требует, чтобы в сфере внешней реализации гражданами их прав и свобод был введен определенный порядок и установлены пределы, за рамками которых поведение человека может рассматриваться как злоупотребление своим правом и одновременное нарушение прав других лиц;

- этот правовой порядок включает в себя широкий набор средств конституционного, административного, уголовно-правового и иного содержания, которые избираются государством, исходя из общих конституционных стандартов регулирования отношений между государством и личностью;

- реализация гражданами права на свободу совести и вероисповедания с

необходимостью сопряжена со сферой реализации права на свободу мысли, выражения мнений, свободой собраний, митингов и шествий, в силу чего она может вторгаться в область реализации прав и свобод иных лиц, а потому должна быть урегулирована, с учетом равноценности всех прав и свобод, исходя из начал светскости, идеологического плюрализма и недискриминации;

- в сфере проявления права на свободу совести и вероисповедания потенциально конфликтные ситуации могут быть связаны со злоупотреблением религиозными правами и свободами, дискриминацией по признакам религии со стороны государства, злоупотреблением правом на свободу выражения мнений; при этом основной принцип их устранения и минимизации состоит не в позитивном обязывании государства установить порядок реализации прав и свобод, а в нормативном оформлении пределов их реализации, определении оснований для правомерного ограничения и возложения ответственности;

- конституционные предписания не содержат различий в основаниях ограничения каких-либо прав, гарантированных основным законом страны: права и свободы граждан могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства;

- если посягательство на свободу совести и вероисповедания криминализовано по основаниям, связанными с нарушением прав и свобод граждан, важно учесть, минимум два обстоятельства: а) речь в данном случае идет не только собственно о религиозных, но и иных правах и свободах граждан, б) далеко не всякое религиозно мотивированное поведение может рассматриваться как проявление религиозной свободы;

- криминализация общественно опасных деяний, совершаемых в сфере реализации и конфликтного столкновения права на свободу совести с иными правами граждан, должна соответствовать общим стандартам установления уголовной ответственности, т.е. с учетом их распространенности, характера и степени опасности, противоправности и виновности.

Глава 2 «Законодательство об ответственности за преступления, нарушающие право на свободу совести и вероисповедания: генезис и компаративистика» посвящена историко-правовому и сравнительно-правовому анализу избранной темы.

В § 1 **«Ответственность за преступления, нарушающие право на свободу совести и вероисповедания, по российскому законодательству X – XX веков»** отмечается, что в истории России вопросы религии и веры изначально были поставлены в ряд важнейших политических вопросов государственной легитимности, международной и внутренней безопасности. Отсутствие свободы совести и вероисповедания на всем протяжении многовековой истории страны и официальное признание России христианской православной державой до февраля 1917 г. обеспечивали конструирование в уголовном законе норм, которые были направлены на строгую охрану монополии и исключительности православной веры как одной из основ государственности, на недопущение внерелигиозности подданных, закрепление их религиозного статуса, дифференциацию правового статуса в зависимости от религиозной принадлежности. В то же время формирование России как многонационального и многоконфессионального государства требовало проявления определенной, но строго лимитированной веротерпимости, которая и обуславливала содержание крайне немногочисленных уголовно-правовых норм, призванных обеспечить возможность неправославным подданным соблюдать свои религиозные обряды.

После октября 1917 г. государство по-прежнему выстраивало уголовно-правовую политику в вопросах религии, исходя из признания того, что они являются общественно значимыми и не составляют исключительно сферу личной свободы человека. Однако признавая социальную вредность религии, государство стало не столько светским, сколько антирелигиозным. Уголовно-правовая охрана свободы совести и вероисповедания заключалась в прямом ограничении некоторых важнейших компонентов этой свободы, а именно – свободы религиозной пропаганды, свободы миссионерства, свободы препода-

вания религиозных знаний и некоторых иных.

Результаты историко-правового анализа демонстрируют глобальную эволюцию взглядов на понимание сути религиозных преступлений – от посягательств на само божество как на реальный объект государственной защиты, через отождествление религиозных преступлений с посягательствами на государственную безопасность – к признанию преступлений против свободы совести и вероисповедания разновидностью так называемых «частных» или «общественных» преступлений, т.е. посягательств на права и свободы конкретного лица или группы лиц. Законодательство таким образом эволюционировало от охраны религии в направлении охраны личности и общества. Соответственно этой эволюции меняется и объем криминализированных поступков: максимума он достигает в России к началу XX в., минимума – к середине XX в., когда собственно и сформировалось актуальное представление о содержании свободы совести и вероисповедания.

В § 2 «Ответственность за преступления, нарушающие право на свободу совести и вероисповедания, в законодательстве зарубежных стран» представлена авторская типология уголовно-правовых подходов к защите данного права, учитывающая три взаимосвязанных фактора: а) наличие или отсутствие отдельной главы в структуре уголовного закона; б) нормативно определяемый объект преступного посягательства; в) содержание правовых норм. С этой точки зрения уголовные законы иностранных государств классифицируются на пять групп: 1) законодательство исламских стран (Иран, Саудовская Аравия, Судан), которое основано на нормах шариата и призвано охранять саму религию и освященный ею образ жизни; 2) законодательство стран (Испания, ФРГ, Япония), в котором предусматривается самостоятельная глава о посягательствах на отношения, связанные с религией; 3) законодательство стран (КНР, Сербия, Туркменистан), в котором свобода совести и вероисповедания защищается специальными нормами о посягательствах на личность; 4) законодательство стран (Дания, Швеция, Швейцария), в котором свобода совести и вероисповедания охраняется специальными предписаниями

о защите общественного порядка; 5) законодательство стран (Франция, некоторые штаты США), в котором нет специальных нормативных предписаний о защите свободы совести и вероисповедания.

Анализ законодательства указанных государств позволил сделать ряд общих выводов;

- уголовно-правовая защита права на свободу совести и вероисповедания является объективной потребностью любого современного государства, адекватным ответом на существующие в этой сфере угрозы безопасности; при этом только в странах, тяготеющих к религиозной системе права, сохраняется подход, согласно которому объектом уголовно-правовой охраны выступает не свобода совести как таковая, а веротерпимость как часть общей системы уголовно-правовой охраны религиозных норм;

- система норм о защите отношений в области религиозного самоопределения граждан оказывается относительно единообразной во всех странах, гарантирующих свободу совести, и включает в себя: а) нормы о запрете дискриминации по мотивам религиозной принадлежности; б) нормы о запрете принуждения граждан к каким-либо действиям или бездействию, принуждению деяниями либо к претерпеванию какого-либо действия со стороны третьих лиц; в) нормы о запрете незаконного воспрепятствования проведению общественных мероприятий и деятельности общественных организаций; г) собственно специальные нормы о запрете посягательств на свободу совести и вероисповедания;

- специальные нормы о защите свободы совести и вероисповедания граждан с юридико-технической точки зрения представлены в виде автономной, структурно обособленной главы УК либо части содержания иных глав УК, что само по себе не является показателем качества и полноты охраны соответствующих отношений;

- с социально-правовой точки зрения эти нормы призваны охранять правовое благо, в понимании которого зарубежные государства условно можно подразделить на две группы: а) в рамках одной (наименее численной) в таком

качестве выступают конституционные права человека и гражданина; в рамках второй (численно преобладающей) - общественное спокойствие и общественный порядок;

- в рамках специализированной охраны права на свободу совести и вероисповедания типичным подходом большинства стран является конструирование норм: а) о воспрепятствовании проведению религиозных обрядов и богослужений; б) альтернативно или совместно – об оскорблении группы людей по признаку их религиозной принадлежности, оскорблении чувств такой группы людей или конфессии и об оскорблении догм, учения, предметов и мест отправления культа.

В УК РФ:

- также как и в УК многих стран мира (Франции, Голландии, Швеции, Швейцарии, КНР) отсутствует отдельная глава о преступлениях против религиозных прав и свобод;

- по аналогии с УК КНР и Сербии самостоятельная норма о защите религиозных прав сформулирована в главе, ориентированной на охрану конституционных прав и свобод граждан;

- защите подлежат не сами догмы вероучения (как в Дании или Иране), а чувства определенной группы лиц (как это сделано в Испании, Швейцарии);

- в рамках общемировых тенденций религиозные права и свободы защищаются с учетом возможного ущерба для общественного порядка и спокойствия.

Глава 3 «Уголовно-правовая характеристика нарушения права на свободу совести и вероисповедания по действующему российскому законодательству» посвящена анализу теории и практики нормативного конструирования и применения ст. 148 УК РФ.

В § 1 «**Ответственность за публичное неуважение к религии**» представлен анализ проблем толкования и применения ч.1 и 2 ст. 148 УК РФ.

По мнению автора, социальная направленность и объект предусмотренных в этой стране преступлений определены ошибочно. Соответствующие де-

яния посягают не на права конкретного лица и принадлежащие ему субъективные блага; они нарушают общественные отношения, складывающиеся в сфере общественного порядка и общественной нравственности по поводу уважительного и терпимого отношения к любой религии, догматы которой не противоречат Конституции РФ и отраслевому законодательству страны. Поэтому ч. 1 и ч. 2 ст. 148 должны быть исключены из закона с одновременным формулированием самостоятельного состава преступления в рамках главы 25 УК РФ.

Причинение вреда обозначенному объекту нельзя расценивать как действие, причиняющее моральный вред конкретным лицам, по той причине, что религиозные догмы, каноны, священные объекты и пр., не могут рассматриваться в качестве нематериальных благ, принадлежащих этому конкретному лицу. С учетом изложенного признается несостоятельной практика признания очевидцев преступления, предусмотренного ч. 1 или ч. 2 ст. 148 УК РФ, потерпевшими от него.

Объективная сторона указанного преступления представляет собой публичное грубое нарушение общественного порядка, сопровождающееся осквернением сооружений и предметов религиозного назначения, оскорблением догматов и обрядов веры, выражающее явное неуважение к обществу, но не сопровождающееся применением насилия, угрозой применения насилия или уничтожения имущества в крупном размере.

Субъективная сторона данного преступления характеризуется исключительно умышленной виной. Основой для осознания недопустимости соответствующего поведения служит адекватное понимание субъектом своего права на свободу выражения религиозных или атеистических настроений и чувств, признание и уважение аналогичных прав иных лиц, уважение к историческому и культурному наследию страны и мира, разумные и общепринятые самоограничения на поведение в общественных местах и на публике, прогнозирование последствий неуважительного и провокативного отношения к символам и объектам почитания иных лиц.

В работе предложено решение ряда актуальных вопросов квалификации исследуемого преступления:

- оскорбление конкретного лица, в том числе и по мотиву его принадлежности к той или иной религиозной группе или в целом по религиозному мотиву, остается оскорблением, ответственность за которое в настоящее время установлена ст. 5.61 КоАП РФ (если нет признаков состава, предусмотренного ст. 282 УК РФ);

- нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, в целях оскорбления религиозных чувств верующих должно квалифицироваться (при отсутствии иных квалифицирующих признаков) по ч. 1 ст. 213 УК РФ;

- при совершении преступления, предусмотренного ч. 1 или ч. 2 ст. 148 УК РФ, ненависть и вражда как мотивы могут отсутствовать при том, что деяние обращено именно на те предметы, символы и отношения, которые непосредственно связаны с религией и верой;

- отграничивая преступление от административного проступка, важно учитывать, что ст. 5.26 КоАП РФ применяется к лицам, в действиях которых отсутствует признак «грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу» и цель оскорбления религиозных чувств верующих, при одновременном отсутствии признаков, свидетельствующих о возможности квалификации содеянного по ст. 167 или по ст. 214 УК РФ;

В § 2 «Ответственность за воспрепятствование деятельности религиозных организаций или проведению религиозных обрядов» изложены результаты анализа признаков составов преступлений, предусмотренных ч. 3 и ч. 4 ст. 148 УК РФ.

Основным объектом рассматриваемого преступления выступают отношения, связанные с правом на свободу вероисповедания; в качестве дополнительных - свобода собраний и шествий, здоровье человека, отношения в области управления. На взгляд автора, в результате совершения этого преступле-

ния физическим лицом (верующим), в том числе и иностранным гражданам, может быть причинен моральный вред, что дает основание для признания их потерпевшими. Однако признание религиозной организации потерпевшей от преступлений, предусмотренных ч. 3 или ч. 4 ст. 148 УК РФ, является необоснованным.

По мнению соискателя, последовательное соблюдение требований принципа равенства граждан перед законом требует: а) расширить круг потерпевших от данного преступления за счет лиц, не исповедующих никакой религии, а равно лиц, исповедующих религию в составе религиозной группы; б) сделать это за счет включения в число преступных - действий, связанных с принуждением к вступлению в религиозное объединение, к участию в его религиозной или иной деятельности; а равно за счет замены термина «религиозная организация» термином «религиозное объединение».

Признаки объективной стороны преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 148 УК РФ, описаны посредством бланкетной диспозиции. Действия субъекта могут признаваться противоправными при наличии двух взаимосвязанных условий: 1) он воспрепятствует законной деятельности законно созданного религиозного объединения или иной законной деятельности граждан по отправлению религиозных церемоний и 2) его собственные действия являются незаконными. Само понятие «законной деятельности» религиозного объединения при этом требует ограничительного толкования, поскольку охватывают собой только то, что непосредственно связано с культом и верой (например, содержание культовых зданий и сооружений, совершение богослужений, других религиозных обрядов и церемоний; миссионерская деятельность; обучение религии).

При сопоставлении признаков объективной стороны преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 148 УК РФ, и административного проступка, предусмотренного ч. 1 ст. 5.26 КоАП РФ, выявлено их качественное совпадение. В связи с этим предлагается объединить названные нормативные предписания в рамках уголовного закона, что позволит избежать неоправданных коллизий и

дублирования.

Далее в работе представлены рекомендации относительно разрешения некоторых актуальных проблем квалификации рассматриваемого преступления:

- если воспрепятствование деятельности религиозных организаций по дискриминационному мотиву совершается специальным субъектом – лицом с использованием служебного положения, возникает конкуренция между п. «а» ч. 4 ст. 148 УК и ст. 136 УК, которая должна разрешаться в пользу нормы с более полным содержанием, т.е. ст. 136 УК РФ;

- если воспрепятствование религиозной церемонии, проводимой в порядке, установленном для публичных мероприятий, осуществляется с применением насилия или лицом, использующим служебное положение, возникает конкуренция между ч. 4 ст. 148 УК и ст. 149 УК, которая должна разрешаться в пользу специальной нормы, т.е. ч. 4 ст. 148 УК РФ.

С точки зрения автора, это позволит учесть сложный характер данного преступления, его сопряженность со злоупотреблением должностными полномочиями, превышением должностных полномочий, умышленным причинением вреда здоровью вплоть до средней тяжести, а так же угрозой убийством.

В **заключении** сформулированы итоги исследования, определены перспективные направления дальнейших научных изменений в этой области.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИИ ОПУБЛИКОВАНЫ:

а) в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки РФ:

1. Бахметьев, П.В. Об объекте и социальной направленности действий, направленных на оскорбление религиозных чувств верующих / П.В. Бахметьев // Библиотека уголовного права и криминологии. – 2017. – № 2. – С. 43 – 53 (0,9 п.л.);
2. Бахметьев, П.В. Оценка норм об ответственности за преступления против свободы совести и вероисповедания в контексте их компаративистского

анализа / П.В. Бахметьев // Общество и право. – 2016. – № 3 (57). – С. 94 – 97 (0,3 п.л.);

3. Бахметьев, П.В. Конституционные стандарты уголовной ответственности за посягательства на свободу совести и вероисповеданий / П.В. Бахметьев // Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института. – 2016. – № 18. – С. 171 – 182 (0,9 п.л.);
4. Бахметьев, П.В. Международно-правые основы уголовно-правовой защиты свободы совести и вероисповеданий / П.В. Бахметьев // Библиотека уголовного права и криминологии. – 2016. – № 4. – С. 7 – 20 (1,0 п.л.);
5. Бахметьев, П.В. Уголовно-правовая охрана свободы совести и вероисповедания в России в рамках XX столетия / П.В. Бахметьев // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2016. – № 2 (32). – С. 66 – 69 (0,3 п.л.);

б) в иных научных изданиях:

6. Бахметьев, П.В. Объект и потерпевший в составе воспрепятствования деятельности религиозных организаций или проведению религиозных обрядов / П.В. Бахметьев // Актуальные проблемы теории и практики применения уголовного закона: материалы IV Всерос. научн.-практ. конф., Москва, 27 окт. 2016 г. / под ред. Ю.Е. Пудовочкина, А.В. Бриллиантова. – М.: РГУП, 2017. – С. 321 - 329 (0,5 п.л.);
7. Бахметьев, П.В. К вопросу о международных стандартах уголовно-правовой защиты свободы совести и вероисповедания / П.В. Бахметьев // Проблемы эффективности права в современной России: материалы Международн. научн.-практ. Конф: в 2 т. - Т.2, Краснодар, 2016.– С. 204 – 211 (0,5 п.л.);